

XVI $\frac{69}{14}$

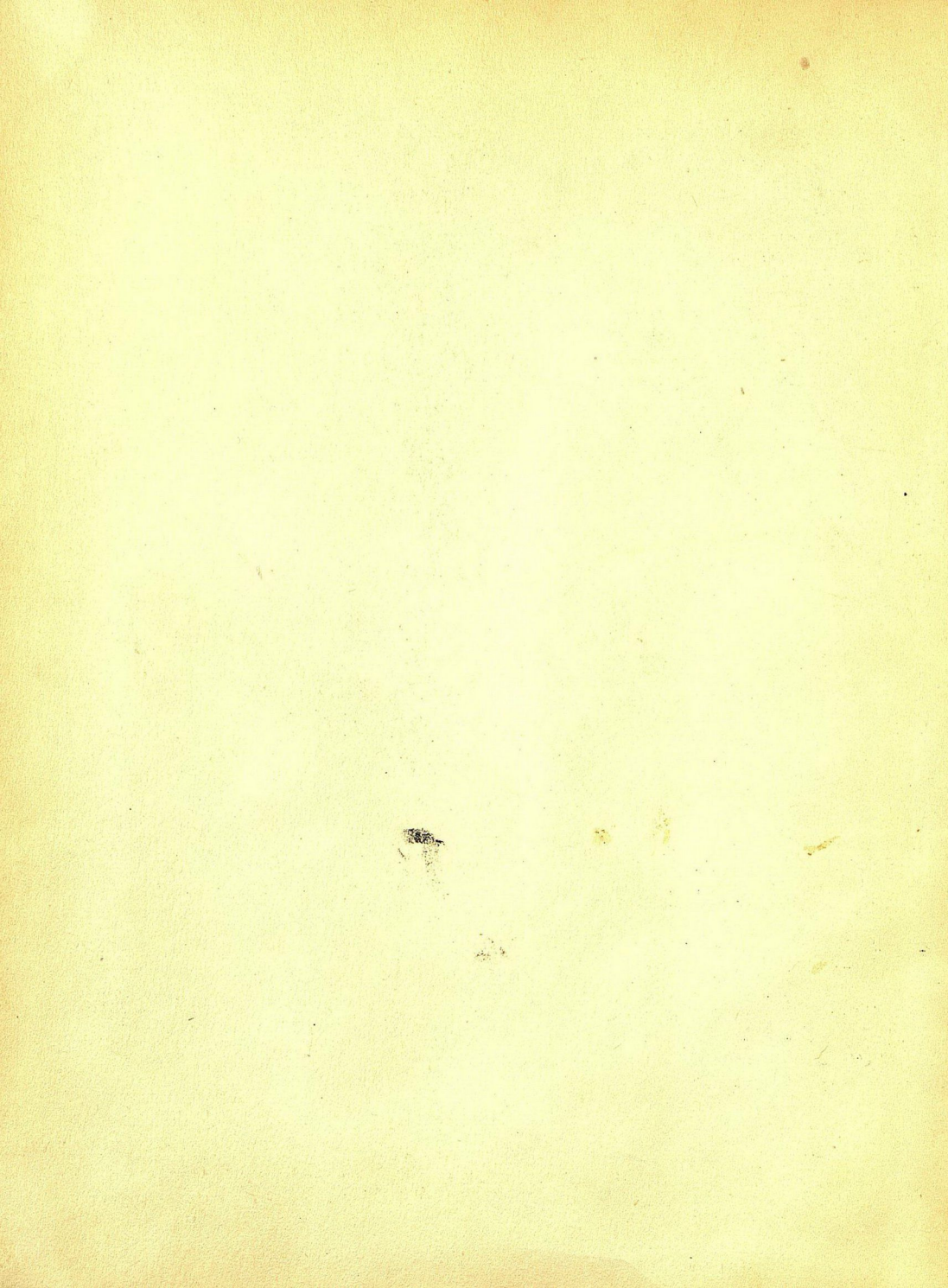
1907

13-18

VII-IX

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 13

1 ІЮЛЯ

1907 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маріинскаго театра, 6.

Allegro. (П. Соловьева). „Елва“. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Иллюстраціи автора, Т. Гиппиусъ и др. Цѣна въ переплетѣ 1 р., въ обложкѣ **50** коп.

Н. Манасеина. Разказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (*Allegro*) и Е. Чичаговой. Цѣна въ переплетѣ 1 р. **50** коп.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатоль Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями *Allegro.* Цѣна **25** коп.

Allegro. **Открытки въ краскахъ.** „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчицамъ «Тропинки» за **25** к.

Складъ изданій въ книжномъ складѣ М. В. Пирожкова. Спб., Васильевскій Островъ, Большой проспектъ, 6.

1907 годъ.

Июль № 13.

XVII $\frac{69}{14}$

Содержание

1. Копенгаген (Виттор) — ситчатое платье. О. Робертсон
2. Анкета — По египетским условиям — Л. Васильев
3. Н. Родригес

ЖУРНАЛЪ

А. ПИШИО

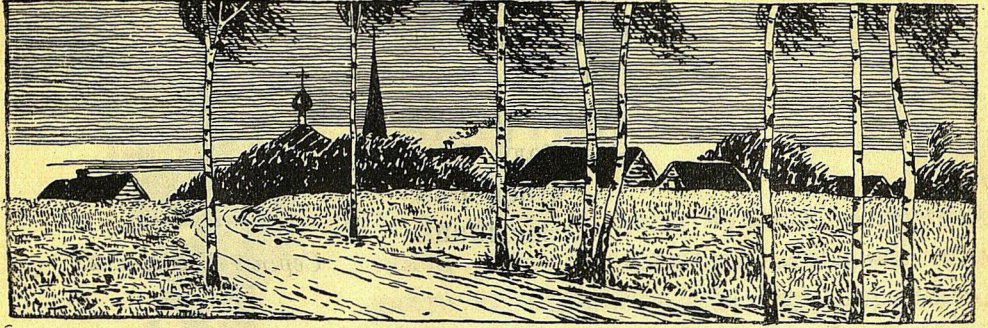
4. Стрелки — И. Соловьев
5. Кофе — А. Мамонтов
6. Редуктор № 7
8. Работы за годъ, конструкторы № 13 и № 14

Содержаніе.

1. Колыбельная (Вѣтровая)—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
2. Анчутка—По святымъ угодникамъ—два разсказа *И. Кондуррушкина*.
3. Атикъ и Шнипейкъ—разсказъ *В. Мировича*.
4. Стрекоза—*К. Соколова*.
5. Въ лѣсу—стихотвореніе *И. Бѣлоусова*.
6. Кофе—*А. Меньшова*.
7. Ребусъ № 7.
8. Рѣшеніе загадокъ, помѣщенныхъ въ 12-мъ №

Колыбельная.

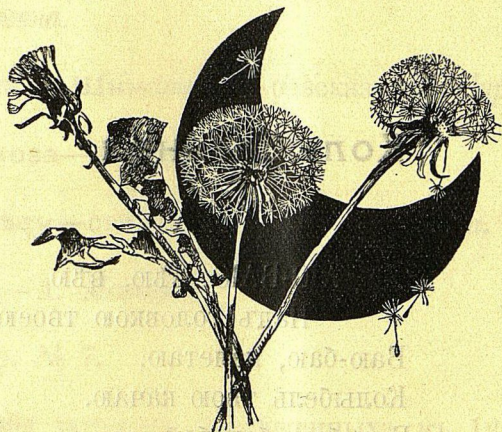
Вѣтровая.

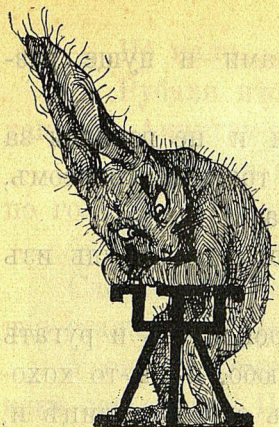
БАЮ-БАЮ, вѣю, вѣю
Надъ головкою твоею.
Баю-баю, налетаю,
Колыбель твою качаю.
Баю-баю, баю-бай,
Поскорѣе,
Засыпай!

У меня на чистомъ полѣ
Алы цвѣтики не спятъ.
У меня на синемъ небѣ
Звѣзды ясныя блестятъ.
Ждутъ, когда къ нимъ прилечу я,
„Спите тихо“ имъ скажу,
Улетать-то не хочу я,
Въ твои оченьки гляжу.

Баю-баю, вѣю, вѣю
Надъ головксю твоею.
Баю-баю, налетаю,
Колыбель твою качаю.
Баю-баю, баю-бай,
Поскорѣе
Засыпай!

Сергій Городецкій.

Анчутка.

ИЛЪ на селѣ у насъ мужикъ, Анчуткой звали его. Настоящимъ именемъ его никто не называлъ, да ему, впрочемъ, никакого имени и не нужно было. Считали его дурачкомъ люди.

И впрямь онъ, вѣрно, дурачокъ былъ. Какой-то чудной да непонятный. Всѣхъ дичился, ни съ кѣмъ не говорилъ, только самъ съ собой, да съ собакой своей зачастую бесѣдовалъ. Говорятъ, на военной службѣ это ему прилучилось. Пошелъ онъ въ солдаты, какъ слѣдуетъ, человѣкомъ, да тамъ и свихнулся.

Разсказывали люди, будто посѣкли его на службѣ, а онъ и тронулся умомъ.

Воротился домой, не дослужа срока: извѣстное дѣло, какой толкъ для начальства въ дурачкѣ, коли имъ и умныхъ дѣвать некуда.

Съ тѣхъ поръ и жилъ онъ никудышнымъ, ничего не дѣлая. Только, бывало, все по селу изъ улицы въ улицу скитается, а за село не выходитъ. Бродить да щепочки съ палочками подбираетъ. И одежда на немъ была смѣшная: мундиръ солдатскій, и весь обшитъ разноцвѣтными лоскутками.

Спрашивали его, зачѣмъ онъ лоскутки напришивалъ. Говорить, что его Скобелевъ генераломъ пожаловалъ.

Любили надъ нимъ всѣ посмѣяться, а пуще всего мы, малыши

Видимъ, что и взрослые за одно съ нами и пуще раззадориваемся.

Никогда, бывало, Анчутка не дрался и не гонялся за нами, а только ругался. Ругался злобно, тонкимъ голосомъ, словно плакалъ. И изъ за cadaго пустяка.

Стоило намъ крикнуть ему, бывало, откуда нибудь изъ за угла:

— Анчутка!,—какъ онъ начиналъ проклинать и ругать насъ на чемъ свѣтъ стоитъ. А намъ-то любо, а мы-то хохочемъ! Цѣлой оравой постоянно провожаемъ его по улицѣ и, какъ маленькія собачата, теребимъ его со всѣхъ сторонъ.

А онъ-то ругается, онъ-то чертыхается! И какъ только надъ нимъ ни издѣвались, особенно наши молодые парни!

То кислымъ молокомъ его обольютъ, то глиной вымажутъ, то, вмѣсто табаку, накладываютъ ему порошу въ трубку.

А Анчутка, знай себѣ, ругается плачущимъ, злобнымъ голосомъ.

Однажды зашелъ онъ къ намъ на домъ. Зима была, морозъ да еще и съ вѣтромъ. До души прохватывало.

А онъ въ этомъ своемъ мундирѣ, посинѣлъ весь, руки ходуномъ ходять, борода заиндевѣла, и зубами щелкаетъ.

Правая пола у мундира была разорвана.

И началъ Анчутка жаловаться на Вавилку пастуха, что натравилъ онъ на него свою собаку; жалуется, а самъ его ругаетъ нехорошими словами.

— Скинь-ка свой мундиръ-то, — говоритъ мама, — я почию его.

— Не надо, — угрюмо буркнулъ Анчутка.

— Пошто не надо? Скинь, зачию.

— Не надо... Рубахи на мнѣ нѣтъ.

— Рубахи нѣтъ?—покачала мама головой да жалостно такъ на Анчутку глядѣть.

Потомъ сѣла къ нему рядомъ и, словно малаго ребенка, по головѣ его гладить и приговариваетъ:

— Ахъ, ты, мученикъ несчастный, горюнь-сиротинка!

Словно прояснились и засвѣтились глаза у Анчутки, большіе стали да ясные, глубокіе.

Уронилъ Анчутка голову на столъ да какъ затрясется, какъ зарыдаетъ! Показалось мнѣ, словно весь нашъ домъ зарыдалъ: и стѣны, и окна, и полъ, и потолокъ. Рыдаетъ Анчутка и глухимъ, надорваннымъ голосомъ выкрикиваетъ:

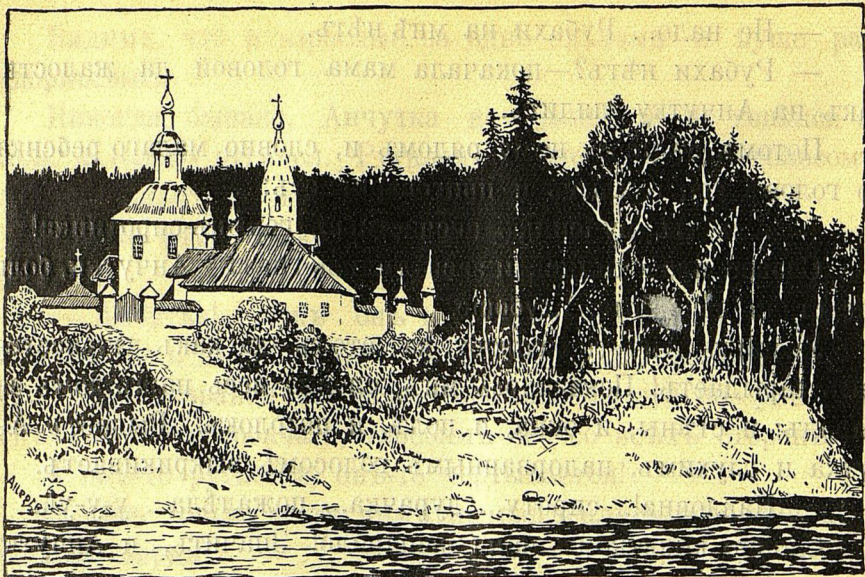
— Павловна!.. сироту... дурачка... пожалѣла... у-у-у!..

Словно кипяткомъ меня ошпарило! Значить, и Анчуткѣ больно было.

Не могъ я съ тѣхъ поръ за Анчуткой бѣгать и дразнить его: я слышалъ, какъ онъ плакалъ, душу его измученную видѣлъ. Анчутка, братъ мой убогій, прости меня!

И. Кондурушкинъ.

По святымъ угодникамъ.

Разсказъ пастуха.

ЧАСТО мама моя по святымъ угодникамъ ходила. Гдѣ-гдѣ только не была она? Въ сундучкѣ у нея постоянно разныя святости лежали: крестики съ Афона, вода изъ Иордана, просвирки отъ Сергія Радонежскаго, песочекъ отъ Серафима Саровскаго, свѣчи изъ Иерусалима. Любила покойница по святымъ мѣстамъ ходить. Тятѣ это и не очень-то нравилось. Все пенялъ онъ мамѣ, что изъ-за нея въ хозяйствѣ упущенья разныя. Да ничего подѣлать не могъ. Какъ весна наступить, такъ ужъ мамѣ не сидится. Начнетъ тятю упрашивать:— старикъ, къ угодничкамъ-бы надо сходить.—Эхъ старуха, ты хоть одно лѣтничко дома посиди. Кто работать-то будетъ?

—Богъ дастъ работниковъ, старикъ; я помолюсь, авось, уродится хлѣбець-то и на мою и на вашу долю.—Видитъ отецъ, что не уговорить маму и рукой махнеть.

Одинъ разъ такъ-то передъ Пасхой собралась мама съ товаркой своей, другой бабой, и пошли наши старушки къ Кіевскимъ угодникамъ. Цѣлое лѣто ходили. Только къ Ильину дню воротились. Сидимъ мы разъ на крыльцѣ вечеромъ всей семьей: отецъ, братъ, сестра и я. Глядимъ, по дорогѣ ползутъ, всѣ въ пыли, какъ жуколицы черныя, двѣ бабуси. Я раньше всѣхъ разглядѣлъ, да какъ завизжу: „мамуня идетъ!“

Скатился кубарикомъ съ крыльца и чуть маму съ ногъ не сбиль, на шеѣ у ней повисъ. А она и плачетъ и смѣется. Обступили тутъ всѣ нашихъ богомолковъ, теребили ихъ. И смѣхъ и слезы. Зашли въ избу. Пришли сосѣди, сосѣдки. Кто принесъ молока, кто хлѣба, кто яиць, кто чаю. Достали и самоваръ. Принялись странницъ угощать. А мама ужъ развязала свою сумку и всѣмъ гостинцы раздаетъ: кому пузырекъ маслица, кому крупинку ладану, кому свѣчечку, кому колечко, кому святой водицы. Стали маму спрашивать. Усѣлась она за столъ, и пошла бесѣда до полночи. Рассказывала мама, какъ шли они цѣлыхъ тридцать верстъ и все лѣсомъ, какъ ихъ рѣкой чуть не унесло на переправѣ, какъ ихъ солнце палило и дождикъ сѣкъ. Мама рассказываетъ, облѣпили ее, слушаютъ. Мы—малыши тоже прилѣпились, боимся слово пропустить.

—А что, Лексѣвнушка,—обращается къ мамѣ одна старуха-сосѣдка,—чай-небось, легость-то какая на душѣ, когда вотъ такъ къ святымъ угодникамъ-то сходишь?

—Знамо, Петровнушка, святое дѣло,—соглашается мама.

—Вотъ ты, старикъ, весь вѣкъ свой оброкъ на себѣ таскаешь,—укоряетъ мама отца. Тятя лѣтъ 10 тому назадъ, какъ хворалъ

еще, далъ обѣщаніе сходить къ Сергію, да такъ за недосугомъ все и откладывалъ. Мама его за это постоянно долбила. — Пообѣщался ты, Васильчъ, — говоритъ мама тятѣ, — все равно, займы у Бога взялъ. Онъ записалъ за тобой, да и ждетъ, когда ты отдашь.

Одинъ вотъ также, бабынька, съ молоду еще обѣтъ далъ къ святымъ угодникамъ идти. Удосужился и пошелъ въ святія мѣста. Пришлось ему идти лѣсами. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ прилегъ онъ на травѣ подъ деревомъ и лежитъ. Только, глядъ, на это дерево прилетѣла птичка, да такая-то ли раскрасавица: перышки словно изъ чиста-золота, такъ и горятъ, солнышкомъ переливаются, глазки, словно двѣ бирюзинки. А надъ птичкой высоко, высоко, чуть видно, коршунъ вьется такъ тихонько, будто кто чернымъ платкомъ помахиваетъ. Вьется коршунъ на одномъ мѣстѣ, ниже не спускается. А птичка порхнула на сучокъ, оправила перышки и запѣла, да такъ запѣла, что у богомольца сердце слезами залилось, заплакало. Глянулъ богомольецъ наверхъ, словно упала ему на лицо тѣнь отъ коршуна. Остыло у странника сердце и думаетъ онъ: „что я иду? Молодой я, сильный, здоровый, еще успѣю помолиться. Дай ворочусь домой“. И воротился. А птичка покружилась, покружилась надъ его головой и пропала. Прошло 10 лѣтъ. Опять собрался мужикъ оброкъ отбывать. И дошелъ онъ опять до того мѣста, гдѣ ему птичка пѣла. Легъ онъ на траву, и опять прилетѣла птичка. Только ужъ не такая хорошая, а словно постарѣе. И крылья у ней словно потускнѣли, ужъ не золотыя, а вродѣ какъ серебряныя. Также сладко запѣла птичка, только потише, нѣтъ-нѣтъ, да и остановится, словно передышку дѣлаетъ. А надъ ней также коршунъ вьется, только еще ниже, и крылья у него шире, словно два платка мотаются. Глянулъ мужикъ, и ужъ видно

ему совѣмъ коршуна. Глядитъ тотъ на него, какъ есть человекъ. Раздумался опять мужикъ: „или, говоритъ, я не успѣю еще оброкъ сбыть? Вотъ придетъ старость, тогда и помолюсь. Дай, ворочусь“. Воротился мужикъ; а птичка за нимъ, съ дерева на дерево и на плечо, и на голову сядетъ, да такъ-то ли жалобно-жалобно чирикаетъ. Покружилась и улетѣла. Прошло еще 10 лѣтъ. Состарился совѣмъ мужикъ. Вспомнилъ онъ объ оброкѣ и надумалъ отбивать его. Собрался и пошелъ. Пришелъ опять на старое мѣсто. И опять прилетѣла птичка, вся растрепанная, маленькая, худенькая, хроменькая.

Крылышки измятыя, голосу нѣтъ, перышки сѣрыя, грязныя. Попикала, попикала—не выходитъ пѣсня. А надъ ней ужъ совѣмъ низко коршунъ летаетъ, глазищи горятъ, отъ крыльевъ вѣтеръ вѣетъ. Удивился мужикъ да и говоритъ, словно самъ съ собой: „что это за птичка такая?“

Только онъ сказалъ это, и возговорила птичка человѣческимъ голосомъ: „я не птичка, а твой ангелъ хранитель. Когда ты былъ молодъ и шелъ на богомолье, хотѣлъ о душѣ подумать, я радовалась, а дьяволъ печалился, а теперь потеряла я силу, потому что не исполнилъ ты обѣта“.

И, какъ сказала она это, тоска напала на мужика, такая ли тоска, что онъ во всю жизнь такой не зналъ. Упалъ онъ на колѣни и сталъ молиться. Самъ молится, а самъ плачетъ. Голову къ землѣ прижалъ, а слезы горячія такъ и каплютъ, и пьютъ ихъ мать сыра земля. Долго ли коротко ли онъ такъ молился—самъ не помнитъ, только какъ всталъ, поднялъ глаза къ небу и видитъ, что коршунъ то высоко улетѣлъ, чуть чернѣетъ, а птичка на вѣткѣ сидитъ, вся радостью свѣтится.

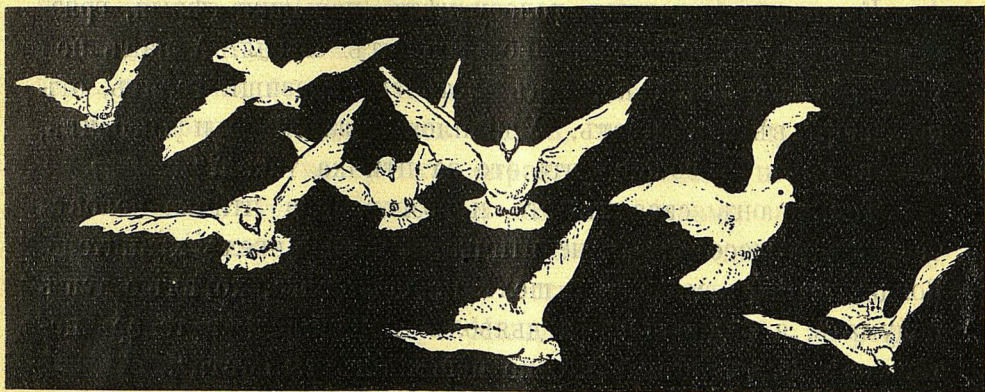
Кончила мама свой рассказъ, да и говоритъ отцу:

— Вотъ, видишь, Васильичъ, куда переть то Божій указываетъ?

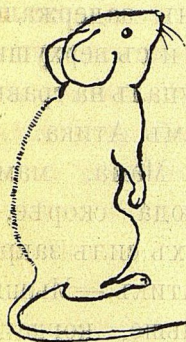
Отець, молча, слушалъ, старухи вздыхали.

— Молитва-то всю нечисть изъ души, словно желѣзомъ выжигаетъ,—промолвила одна баба.—Во грѣхахъ то мы, какъ въ болотѣ: уткнулись носомъ въ грязь, да и торчимъ, сонимъ. А Богъ то Онъ все слышитъ, ну и ждетъ. Ему всёхъ жалко. У Него каждая душенька на ладонкѣ.

И. Кондурушкинъ.

Атикъ и Шнипсикъ.

АТИКЪ—маленькій мальчикъ. У него длинные локоны, красный картузь и худенькія ножки въ коротенькихъ носочкахъ.

Шнипсикъ — маленькій мышенокъ въ сѣрой бархатной шубкѣ, съ черными глазами, съ прозрачными ушками и съ длиннымъ хвостомъ. Они познакомились въ одно лѣтнее воскресное утро. Няня Атика ушла въ церковь, и мама пустила его одного въ садъ.

— Ты уже большой мальчикъ,—сказала мама.—Тебѣ скоро придется обходиться совсѣмъ безъ няни.

И Атикъ, чтобы сдѣлаться совсѣмъ похожимъ на большого, взялъ съ собою папину палку и газету и сталъ расхаживать по дорожкамъ сада.

Шнипсикъ летѣлъ въ это время по небу надъ головой Атика и не подозрѣвалъ, что черезъ минуту познакомится съ нимъ. Шнипсикъ, впрочемъ, ни о чемъ не думалъ. У него кружилась голова и одинъ изъ когтей коршуна, который несъ его къ себѣ на завтракъ, вонзился ему въ спину. Это было очень больно, но онъ не плакалъ и не пищалъ. Онъ зналъ, что коршуна этимъ не разжалобишь. Онъ только открылъ глаза, чтобы въ послѣдній разъ посмотреть на Божій міръ. Передъ его глазами мелькнуло много неба вверху, много зелени внизу и совсѣмъ близко рыжія перья и твердый,

загнутый крючкомъ клювъ. Это было такъ страшно, что Шнипсикъ задрожалъ и закрылъ свои черные, какъ бусинки, глаза.

Въ этотъ же мигъ онъ услышалъ страшный грохотъ и почувствовалъ, что желѣзные когти вокругъ его тѣльца разжались и онъ летитъ въ пропасть.

Вотъ какіе то листья, онъ задержался на нихъ и съ верхушки дерева упалъ на травку къ ногамъ Атика.

— Мама, мама, поди сюда скорѣе,— изо всѣхъ силъ закричалъ Атикъ.—Мышка упала съ неба, этого никогда не было раньше, когда я гулялъ съ няней.

Мама слышала выстрѣлъ и догадалась, что мышка выпала изъ когтей коршуна, котораго застрѣлили садовникъ. Осторожно потрогавъ лапки и спинку мышенка, мама сказала:

— Кажется, онъ не разбился. У мышей такія гибкія кости. Мы положимъ его въ стеклянную банку отъ варенья. Ему тамъ будетъ хорошо.

— Какъ же ты назовешь его?—спросила Лена, сестра Атика.—Я бы назвала его „Метеоръ“, потому что онъ упалъ къ тебѣ, какъ камень съ неба.

— Нѣтъ,—сказалъ Атикъ,—я думаю, что его имя Шнипсикъ.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Такъ... Развѣ же это не видно? Посмотри на его хвостикъ, на ушки... сейчасъ видно, что Шнипсикъ.

Лена засмѣялась и ушла. А мама принесла большую банку

отъ варенья. На донышко ея насыпали бѣлаго песку, положили нѣсколько камешковъ, нѣсколько клочковъ ваты, травы, листьевъ—и тюрьма для Шнипсика была готова.

Когда его опустили въ нее, онъ прежде всего сталъ искать выхода и какъ безумный заметался, прыгая съ камешка на камешекъ и напрасно стараясь взобраться вверхъ по скользкой, прозрачной стѣнкѣ.

Атикъ же думалъ, что мышенокъ прыгаетъ отъ радости, что спасся отъ коршуна, и самъ запрыгалъ и захопалъ въ ладоши, глядя на него.

А мышенокъ уже забылъ про коршуна и думалъ только о томъ, какъ бы выбраться изъ своей круглой стеклянной тюрьмы.

Атикъ, самъ того не подозрѣвая, сталъ тюремщикомъ Шнипсика. Когда по утрамъ мышенокъ видѣлъ надъ собою бѣленькую, гладкую лапку безъ шерсти, онъ не могъ догадаться, что Атикъ хочетъ его приласкать. Ему вспоминались тѣ страшныя лисы, ласочкины, ежовыя лапки, которыя на его глазахъ не разъ хватали его товарищей, и онъ дрожалъ отъ страха и старался поглубже спрятаться въ листья.

Когда Атикъ, думая получше убрать его жилище, бросалъ въ банку розы, резеду, левкой, у Шнипсика начинала болѣть голова и ему казалось, что онъ задыхается отъ запаха цвѣтовъ. Когда въ жаркій день Атикъ вздумалъ выкупать мышку, она едва не умерла отъ ужаса и долго дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Такъ жили они вмѣстѣ—Атикъ и Шнипсикъ, и Атикъ считалъ себя другомъ Шнипсика, а Шнипсикъ считалъ его своимъ тюремщикомъ. Особенно съ того дня, какъ Атику вздумалось повести мышку съ собой въ поле. Для этого няня придумала сшить ей платье съ четырьмя рукавами для

ногъ; къ этому платью пришили длинную тесемочку и, держась за нее, Атикъ пустилъ своего любимца въ поле.

Въ безумной радости помчался Шнипсикъ черезъ кочки, черезъ колючія соломинки сжатой пшеницы, и вдругъ тесемка потянула его назадъ.

— Видишь, какъ онъ рвется,—сказала няня,—отпустилъ бы ты его на волю.

— Ахъ, няня,—сказалъ Атикъ,—это потому, что онъ не понимаетъ, гдѣ ему лучше. Тамъ у него грязная норка въ землѣ, а у меня онъ спитъ на бѣленькомъ песочкѣ, въ цвѣтахъ, и я кормлю его конфетами, а на волѣ онъ пропадетъ, замерзнетъ зимою, или коршунъ его опять утащитъ.

И, нѣжно прижимая къ себѣ мышонка, Атикъ отнесъ его въ круглую стеклянную тюрму.

Съ этого дня Шнипсикъ такъ затосковалъ, что пересталъ ѣсть и прыгать.

Онъ лежалъ, уткнувши мордочку въ переднія лапки, чтобы не видѣть своей тѣсной тюрмы, и когда засыпалъ, ему снилось родное, просторное поле, милыя кочки и травка, золотые колосья, и маленькое сердечко его болѣло отъ горя.

Атикъ тоже горевалъ, не зная, чѣмъ помочь ему.

Разъ, послѣ обѣда онъ пошелъ въ кухню попросить у кухарки гречневой каши для Шнипсика, а его оставилъ въ банкѣ, на садовой дорожкѣ.

Вдругъ Шнипсикъ услышалъ надъ собою громкое жужжаніе и, выглянувъ изъ подъ лапки, увидѣлъ красавицу стрекозу съ золотистыми крыльями и бирюзовыми глазами. Во рту у нея была длинная соломинка.

— Узнаешь меня?—сказала она.—Мы встрѣтились съ тобой давно. Ты былъ тогда совсѣмъ крошечнымъ мышенкомъ и

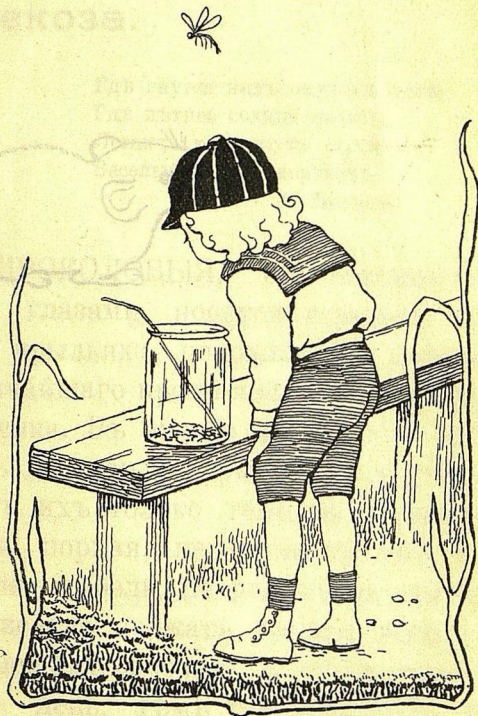
я въ тотъ день только что развернула свои крылья. Ты схватилъ меня за крыло,—это было на листѣ шалфея. Мнѣ такъ хотѣлось жить. Я зажужжала: отпусти, отпусти меня... и ты отпустилъ, — вѣрно былъ сытъ. Я узнала, что ты въ тюрьмѣ, когда тебя вели гулять на привязи,—какой позоръ для жителя полей! Съ тѣхъ поръ я все думала, какъ бы тебѣ помочь. Но не могла подстеречь минуты, когда ты остаешься одинъ. Твой тюремщикъ всегда съ тобой. Вотъ соломинка, я кладу ее здѣсь, на край; она длинная и достанетъ до самаго дна. Не бойся, она выдержитъ тебя, и спасайся скорѣй....

Когда Атикъ вернулся съ гречневой кашей для Шнипсика, банка была пуста.

Изъ нея торчала соломинка, а надъ ней кружилась стрекоза. Атикъ схватилъ себя за колѣнки, онъ всегда такъ дѣлалъ въ горѣ, и сталъ кричать изо всѣхъ силъ: „Шнипсикъ, Шнипсикъ“.

А Шнипсикъ былъ уже далеко. Онъ сидѣлъ подъ кочкой, дрожа отъ радости, что вырвался на волю, и рассказывалъ мышкамъ, которыя собрались вокругъ него:

— Коршунъ,—это еще пустяки. Многія изъ насъ попа-

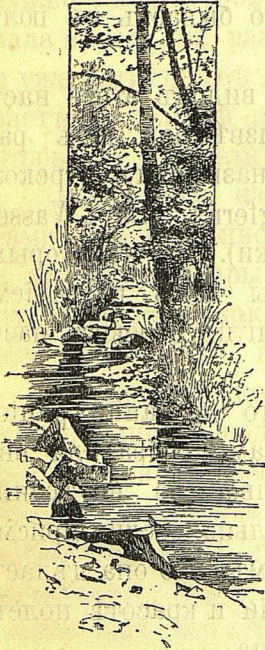

даютъ въ когти коршуна. Самое страшное—это люди. У этихъ злыхъ великановъ для насъ построены круглыя стеклянныя тюрьмы. Тюрьму сторожить великанъ тюремщикъ въ красной, какъ цвѣтокъ мака, шапкѣ....

В. Миновичъ.

Стрекоза.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ.

А. Толстой.

ШИРОКОЛОБЫЯ, съ огромными глазами, носятся стрекозы на своихъ крыльяхъ, похожихъ на паруса изъ тончайшаго прозрачнаго разноцвѣтнаго шелка. Въ жаркіе лѣтніе дни онѣ летаютъ до самыхъ сумерекъ, и успокаиваетъ ихъ только темнота. Покачиваясь и порхая, переделяютъ онѣ со стебля на стебель, повисаютъ на листьяхъ и всегда держатъ крылья кверху, какъ дневныя бабочки, и чѣмъ жарче и тише день, тѣмъ стремительнѣе и легче ихъ полетъ и тѣмъ болѣе звонко постукиваютъ ихъ слюдяныя крылышки. Въ пасмурные и вѣтренные дни онѣ усаживаются крѣпко на листкахъ растений и сохраняютъ неподвижность. Передъ грозой стрекозы чувствуютъ скопленіе электричества, въ полетѣ ихъ выражается безпокойство, онѣ чаще повисаютъ на листьяхъ, но быстро срываются съ нихъ. Стрекозы носятся и въ поляхъ, и въ лугахъ, и въ лѣсахъ, но больше всего любятъ онѣ летать надъ водой, особенно надъ стоячей, гдѣ много всякой мошкеры.

Стрекозы водятся повсемѣстно и распространены во всѣхъ частяхъ свѣта. Съ мая до самой осени онѣ летаютъ и въ холодной Лапландіи, и въ жаркой Австраліи. Но въ жаркихъ странахъ ихъ, конечно, больше, чѣмъ въ умѣренныхъ и холодныхъ, потому что стрекозы любятъ солнце и тепло. Вотъ почему стрекозъ больше всего бываетъ въ іюлѣ, самомъ жаркомъ мѣсяцѣ лѣта.

Существуетъ болѣе 1000 различныхъ видовъ этого насѣкомаго, которое въ разныхъ странахъ извѣстно подъ различными названіями. Такъ, французы называютъ стрекозъ „demoiselles“ (барышни), нѣмцы—„Seejungfern“ или „Wasserjungfern“ (озерныя или водяныя дѣвушки). Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Германіи онѣ извѣстны подъ названіемъ „Himmelspferde“ (небесные кони), а въ Англіи стрекозъ называютъ „Dragonflies“ (драконовыя мухи).

Очевидно, что англичане, давая это названіе граціозному созданію съ радужными крылышками, обратили вниманіе не столько на его красоту, сколько на внутреннія свойства этого насѣкомаго. И дѣйствительно, если присмотрѣться къ стрекозѣ и понаблюдать за тѣмъ, что она дѣлаетъ во время своего очаровательнаго по граціи и красотѣ полета, то мы увидимъ, что это красивая хищница.

Питается стрекоза исключительно живыми существами, хватаятъ на лету мухъ, комариковъ и разную мошкарю. Летитъ такъ свободно, красиво, легко, точно ни до чего ей дѣла нѣтъ, а сама своими огромными, блестящими, почти сходящимися глазами такъ и смотритъ. Шея у нея тоненькая, претоненькая, легко поводить ею, куда хочешь. Увидитъ добычу стрекоза, ловко схватитъ ее, не останавливаясь, передними ногами,—а ноги у нея длинныя, покрытыя волосами, съ трехчленистыми лапками,—крѣпко прижметъ къ себѣ,

чтобы не вырвалась и, придерживая ее въ удобномъ положеніи, начинаетъ ѣсть. Ротъ у стрекозы огромный. Широкія и крѣпкія верхнія челюсти вооружены множествомъ острыхъ зубцовъ, нижнія челюсти поуже, но тоже имѣютъ острые зубцы. Расправилась стрекоза съ добычей, отправила что нужно въ желудокъ, а что ненужно выпихнула, и все это сдѣлала налету, ни разу не останавливаясь, даже не задержалась, и уже летитъ себѣ дальше и большими глазами опять высматриваетъ, а головой на тоненькой шеѣ такъ и вертитъ, боится, чтобы не ускользнулъ какой-нибудь лакомый кусочекъ.

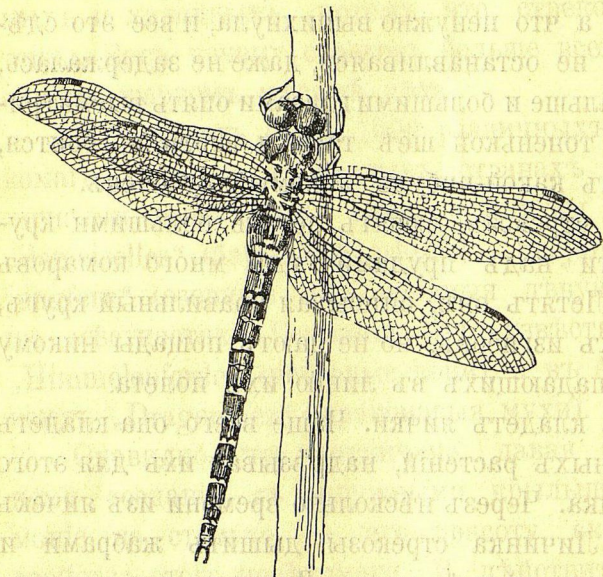
Нѣкоторыя изъ стрекозъ любятъ летать большими кругами, въ особенности надъ прудами, гдѣ много комаровъ и всякой мошкеры. Летятъ онѣ, описывая правильный кругъ, не дѣлаютъ никакихъ изгибовъ, но не даютъ пощады никому изъ насѣкомыхъ, попадающихъ въ линію ихъ полета.

Осенью стрекоза кладетъ яички. Чаше всего она кладетъ ихъ на листья водяныхъ растений, надрѣзывая ихъ для этого концомъ своего брюшка. Черезъ нѣсколько времени изъ яичекъ выходятъ личинки. Личинка стрекозы дышитъ жабрами и живетъ въ водѣ почти цѣлый годъ. Личинка эта ужасно прожорлива и для живыхъ существъ озеръ, болотъ и прудовъ почти такъ же страшна, какъ акула для обитателей морей.

Во время своей водяной жизни, личинка нѣсколько разъ линяетъ, и, наконецъ, для нея наступаетъ время, когда она мѣняетъ свою водяную жизнь на жизнь воздушную.

Чувствуя себя достаточно созрѣвшей для освобожденія, личинка въ теплый и ясный день выбирается изъ воды и вползаетъ на какое-нибудь водяное растеніе. Иногда она съ этого растенія поспѣшно возвращается въ воду, а потомъ изъ воды снова взбирается на растеніе. Такъ можетъ повторяться нѣсколько разъ, потому что часто личинка колеблется, раз-

думываетъ: какія-то соображенія мѣшаютъ ея рѣшимости. Иногда погода внушаетъ ей опасенія. Рѣшившись же, наконецъ, она остается неподвижной на мѣстѣ и ждетъ. Если наблюдать въ это время за личинкой, то можно видѣть, какъ

разгораются ея глаза отъ внутренней, происходящей въ ней работы, и какъ сохнетъ на ней кожа. Наконецъ, кожа трескается и разрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ помещается затылокъ. Прежде всего вылезаетъ голова, потомъ усики, ножки, а наконецъ и брюшко. Освобожденіе отъ старой кожицы стоитъ большихъ усилій, и уставшая стрекоза должна нѣсколько разъ отдыхать, прежде чѣмъ сброситъ свой чехольчикъ.

Особенно долго отдыхаетъ она передъ освобожденіемъ крыльевъ. Крылья она вынимаетъ изъ чехла послѣдними. Они лежатъ подъ чехломъ въ видѣ четырехъ узкихъ кусковъ, слабо прорѣзанныхъ бороздками. Это свертки матеріи, сложенной такъ, чтобы она занимала поменьше мѣста и, въ первую минуту освобожденія, стрекозиныя крылья совсѣмъ некрасивы: они сѣрыя, съжатыя, все въ морщинкахъ и такъ мягки, что отъ тяжести опускаются внизъ. Имъ надо

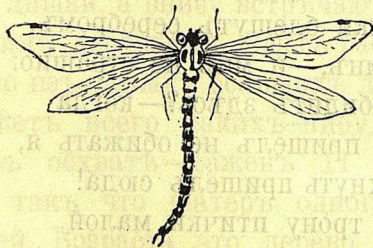
развернуться и окрѣпнуть. На это нужно время. Но вот морщинка за морщинкой сглаживается и ткань начинает серебриться. Проходитъ еще часа два, воздухъ отнимаетъ у ткани лишнюю влагу, крылья, просыхая, твердѣютъ и поднимаются, какъ парусъ. Какъ только высохнетъ крыль-ная ткань, стрекоза взлетаетъ на воздухъ на своихъ пока еще серебряныхъ крыльяхъ. Окраску получаютъ они позднѣе отъ солнечнаго свѣта.

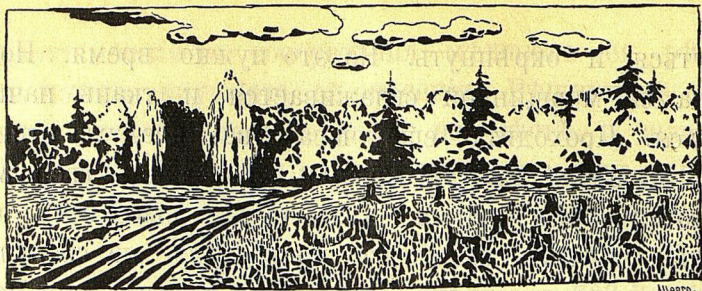
Вытаскивая головку, усики, ножки и крылья, стрекоза ничего не повредила, ничего не разорвала въ своемъ чехольчикѣ, и онъ остается висѣть на растеніи, къ которому прикрѣпилась личинка для своего послѣдняго линянія, а свободная и красивая стрекоза, переливая всеми цвѣтами радуги, носится въ воздухъ, радуясь свободѣ, солнцу и теплу.

Глядя на нее, невольно повторяешь:

Подъ нами трепещутъ былинки,
Намъ такъ хорошо и тепло.
У насъ бирюзовыя спинки,
А крылышки, точно стекло...

К. Соколовъ.

Въ лѣсу.

Я иду тропинкой узкой,
Пробираюсь въ лѣсъ густой;
Зеленѣющія ели
Стелять вѣтви надо мной.
По бокамъ трава съ цвѣтами,
Пѣсни птицъ звенятъ кругомъ;
Ручеекъ журчитъ въ ложбинкѣ,—
Струйки блещутъ серебромъ.
Я одинъ,—и мнѣ не страшно:
Кто обидитъ здѣсь?—когда
Самъ пришелъ не обижать я,
Отдохнуть пришелъ сюда!
Я не трону птички малой,
И цвѣтовъ не стану рвать;
Если жизнь я дать не въ силахъ,
Какъ могу ее отнять?

Ив. Бялоусовъ.

Кофе.

ПОТРЕБЛЕНИЕ кофе было извѣстно людямъ еще въ глубокой древности. Родиной его была восточная Африка. По свѣдѣнiямъ старинныхъ арабскихъ писателей, напитокъ изъ кофейныхъ зеренъ съ незапамятныхъ временъ употреблялся въ Абессинiи. Абессинiя—это страна, занимающая часть восточной Африки. Въ ней много горъ, много глубокихъ долинъ и рѣкъ. Благодаря своему возвышенному положенiю, Абессинiя отличается въ общемъ умѣреннымъ и прiятнымъ климатомъ, но, конечно, разница между высокими и низкими мѣстностями очень велика. На горныхъ вершинахъ растительность совсѣмъ другая, чѣмъ въ долинахъ. Наверху растутъ только верескъ да лишай, а внизу встрѣчаются непроходимые лѣса съ исполинскими деревьями. Здѣсь растетъ, между прочимъ, баобабъ, одно изъ самыхъ большихъ деревьевъ. Стволъ его не высокъ, имѣетъ всего какихъ-нибудь 2 сажени въ вышину, но зато въ обхватѣ—сажень 11 и раздѣленъ на множество вѣвей, такъ что шатеръ одного дерева кажется издали цѣлой рощей. Возраста это дерево достигаетъ очень почтеннаго, живетъ лѣтъ 1000, а иногда и гораздо больше. Цвѣты у этого дерева бѣлые съ пурпурными тычинками. Кисловатая на вкусъ мякоть плодовъ употребляется въ пищу,

а также служить лѣкарствомъ отъ лихорадокъ и болѣзни желудка. Кромѣ баобабовъ и многихъ сортовъ лѣкарственныхъ растений, въ Абессиніи растутъ бананы и финиковыя пальмы, хлопчатникъ, шафранъ, сахарный тростникъ и разныя другія деревья и растенія, а на югѣ обширныя гористыя мѣстности покрыты громадными плантаціями дикорастущаго кофе. Названіе свое кофе получилъ по однимъ свѣдѣніямъ отъ мѣстности Кафа, въ южной Абессиніи, а по другимъ—отъ турецкаго слова „каова“, что значитъ напитокъ изъ зеренъ. Существуетъ преданіе, что какой-то пастухъ замѣтилъ, что его козы, наѣвшись ягодъ и листьевъ кофейнаго дерева, становятся необыкновенно живыми и бодрыми. Отвѣдавъ кофейныхъ ягодъ и убѣдившись, что въ сыромъ видѣ онѣ не вкусны, онъ попробовалъ испечь ихъ. При этомъ мякоть случайно обгорѣла, зерна изжарились и стали хрупкими, что и подало пастуху мысль истолочь ихъ и настоять на горячей водѣ.

Въ XV столѣтіи кофе былъ введенъ въ употребленіе въ Аравіи муфтіемъ *) по имени Джемаль-Эддинъ-Абу-Абдалла-Мухаммедъ-Бекъ-Сайдъ-Альдабани.

Достопочтенный муфтіи нашель, что кофе очень полезенъ для здоровья и совѣтовалъ подкрѣпляться имъ въ праздничные дни, передъ вечерней молитвой. Съ легкой руки Джемаль-Эддина, употребленіе кофе стало всеобщимъ въ его родномъ городѣ Аденѣ, откуда проникло въ священный городъ мусульманъ, Мекку, гдѣ и были заведены первыя кофейни.

Въ половинѣ XVI столѣтія кофе вошелъ во всеобщее употребленіе въ Константинополь, откуда венеціанскіе купцы отвезли его и въ Западную Европу. Начали пить кофе сначала

*) Муфтіи—третья степень мусульманскихъ улемовъ, а улемы—это ученые, предназначающіе себя для службы гражданской (главнымъ образомъ судейской) или церковной.

въ Англии, потомъ во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи, Дании, Швеціи, Польшѣ и Россіи.

Русскіе всѣхъ позже познакомились съ кофе, они стали его пить только въ началѣ XVIII столѣтія. Русскіе ужь очень любятъ пить чай, и кофе пьютъ сравнительно мало, меньше всѣхъ другихъ народовъ. Въ настоящее время кофе разводится во всѣхъ тропическихъ странахъ стараго и новаго свѣта, гдѣ лѣтняя температура не ниже 14°.

Первое кофейное деревцо, которое цвѣло и принесло плоды въ Европѣ, было привезено въ Амстердамъ. Одинъ изъ его отводковъ, подаренный въ 1714 году французскому королю Людовику XIV, прекрасно принялся въ парижскомъ ботаническомъ саду. Выращенное изъ сѣмянъ его, маленькое кофейное деревцо было отправлено въ 1720 году, съ однимъ капитаномъ, на островъ Мартинику, одинъ изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ. Во время плаванія пришлось значительно уменьшить порцію воды, полагавшуюся на каждого человѣка. Несмотря на это, капитанъ ежедневно дѣлился своей порціей съ ввѣреннымъ ему кофейнымъ деревцомъ, которое поэтому только и удалось благополучно доставить къ мѣсту назначенія. Отъ этого деревца и происходятъ всѣ кофейныя деревья, воздѣлываемыя теперь въ Бразиліи и другихъ мѣстностяхъ. Бразилія—самая большая страна въ Южной Америкѣ, и въ ней воздѣлывается самое большое количество кофе, около половины производимаго на всемъ земномъ шарѣ.

Для устройства плантаціи необходимо прежде всего вырубить лѣсъ. Большинство бразильскихъ помѣщиковъ, сваливъ деревья, оставляютъ ихъ на полтора или на два мѣсяца сохнуть на воздухѣ, а затѣмъ сжигаютъ; другіе же предоставляютъ заботу о разрушеніи срубленныхъ деревьевъ насѣкомымъ, которыя и заканчиваютъ этотъ трудъ въ какой-нибудь

годъ или два. Промедленіе это вознаграждается съ избыткомъ, такъ какъ участокъ, приготовленный такимъ образомъ, дольше другихъ сохраняетъ плодородіе.

Иногда такіе участки засаживаются побѣгами отъ корней старыхъ кофейныхъ деревьевъ, но гораздо выгоднѣе разводить молодыя деревца въ питомникахъ, изъ отборныхъ зеренъ,

Вѣтка кофейнаго дерева.

сажаемыхъ въ маленькіе горшечки. Въ этихъ питомникахъ, расположенныхъ на покатыхъ склонахъ, по которымъ непрерывно стекаетъ вода, деревца получаютъ влагу черезъ отверстія на днѣ горшечковъ и защищаются отъ солнечнаго зноя

навѣсами изъ плетеныхъ цыновокъ. Когда деревцо достигаетъ 6-ти дюймовъ вышины, его пересаживаютъ въ болѣе просторный горшокъ. Работа эта исполняется дѣтьми, которыя очень скоро къ ней привыкаютъ.

Деревцо, на которомъ произрастаютъ кофейныя зерна, представляетъ, въ сущности, кустъ вышиною отъ 8-ми до 10-ти аршинъ. Листья на немъ темно-зеленые, глянцевитые. Бѣлые цвѣты о четырехъ лепесткахъ имѣютъ очень пріятный запахъ, нѣсколько похожій на запахъ ванили и наружнымъ видомъ напоминаютъ цвѣты жасмина.

Плодъ кофейнаго деревца походитъ на вишню, но, вмѣсто косточки, содержитъ въ себѣ ядро, состоящее изъ двухъ кофейныхъ зеренъ или бобовъ, одѣтыхъ общей оболочкой. Окружающая это ядро мякоть имѣетъ сладковатый приторный вкусъ.

Каждое зерно одѣто еще, кромѣ того, двумя оболочками, которыя очень цѣнятся на востокѣ, гдѣ изъ нихъ изготовляютъ, такъ называемый, „султанскій кофе“.

Въ Бразиліи климатъ великолѣпный: въ январѣ начинаютъ цвѣсти миндальные и вишневые деревья, въ февралѣ

Сборъ кофе.

ждутъ вторичнаго цвѣтенія табака, въ мартѣ распускаются безчисленныя розы, а въ апрѣлѣ кофейныя деревца раскрываютъ свои первые хорошенькіе цвѣты. Четырехлѣтнее кофейное деревцо бываетъ уже около сажени вышиною и начинаетъ приносить плоды. Съ шестилѣтняго растенія получаютъ уже иногда отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ кофе. Но только семи, восьми-лѣтнее дерево достигаетъ полной силы.

Въ южной Бразиліи собраніе кофе производится, главнымъ образомъ, въ ноябрѣ. Въ теченіе цѣлаго дня, отъ восхода до заката солнца, чернокожіе мужчины, женщины и дѣти собираютъ кофейныя ягоды въ корзины.

Каждый рабочій собираетъ въ день среднимъ числомъ столько ягодъ, что изъ нихъ получается до 50-ти фунтовъ чистаго, сухого кофе. Чтобы получить изъ кофейныхъ ягодъ обыкновенный продажный кофе, необходимо, прежде всего, высушить зерна и снять покрывающія ихъ три оболочки. Прежде кофе вездѣ сушили при помощи солнечныхъ лучей, разсыпая ихъ гладкимъ слоемъ на ровной, гладко-вымощенной площадкѣ, покрытой слоемъ цемента ослѣпительной бѣлизны. Но такого рода просушка представляла большія неудобства: во-первыхъ, для нея требовалось около двухъ мѣсяцевъ времени, а во-вторыхъ, надо было принимать разныя предосторожности, чтобы дожди не подмочили кофе, который отъ подмочки значительно понижается въ цѣнѣ. Поэтому на плантаціяхъ стали вводить паровыя сушильни. Это длинные сараи, и кофе въ нихъ сушится на цинковыхъ столахъ, нагрѣваемыхъ водяными парами, при чемъ просушка заканчивается въ нѣсколько часовъ. Послѣ просушки кофейныя зерна поступаютъ въ шелушильни, устройство которыхъ напоминаетъ большія паровыя мукомольныя мельницы.

Здѣсь, съ помощью затѣйливыхъ машинъ, изъ которыхъ однѣ похожи на молотилки, другія на вѣялки, а третьи и на молотилки и на вѣялки заразъ, получаютъ чистыя кофейныя зерна изъ грязныхъ на видъ орѣховъ или ядрышекъ.

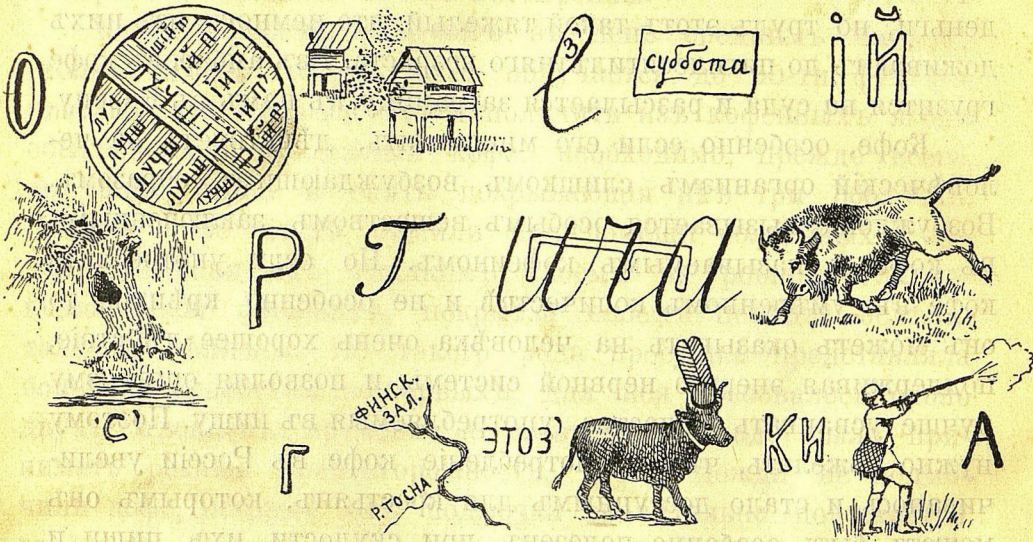
Бразильскіе плантаторы продаютъ иногда кофе торговцамъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, но въ большинствѣ случаевъ посылаютъ его въ города Сантосъ или Рио-Жанейро. Тамъ

кофе переходить къ скупщикамъ, у которыхъ большіе складочные амбары. Сотни-носильщиковъ негровъ таскаютъ на головахъ тяжелые мѣшки съ кофе. Нѣкоторые носильщики зарабатываютъ въ день отъ двухъ до трехъ рублей на наши деньги, но трудъ этотъ такой тяжелый, что немногіе изъ нихъ доживаютъ до пятидесятилѣтняго возраста. Изъ амбаровъ кофе грузится на суда и разсылается за границу, къ намъ въ Европу.

Кофе, особенно если его много пить, дѣйствуетъ на человѣческой организмъ слишкомъ возбуждающимъ образомъ. Возбужденіе вызывается особымъ веществомъ, заключеннымъ въ кофе и называемымъ кофеиномъ. Но если употреблять кофе въ умѣренномъ количествѣ и не особенно крѣпкій, то онъ можетъ оказывать на человѣка очень хорошее дѣйствіе, поддерживая энергію нервной системы и позволяя организму лучше усваивать вещества, употребляемые въ пищу. Поэтому нужно пожелать, чтобы употребленіе кофе въ Россіи увеличивалось и стало доступнымъ для крестьянъ, которымъ онъ можетъ быть особенно полезенъ при скудости ихъ пищи и вполне понятной потребности согрѣться и подкрѣпиться послѣ слишкомъ иногда тяжелаго физическаго труда.

А. Меньшовъ.

Ребусъ №. 7.

Рѣшеніе загадокъ, помѣщенныхъ въ 12-мъ №

- 8—ухо.
- 9—десны и зубы.
- 10—ложка, зубы, языкъ.
- 11—копенки, копна и стогъ.
- 12—клюква.
- 13—кочерга и дрова въ печи.
- 14—перо.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копьевую марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желаящіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1907 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

II-й г.
издан.

ТРОПИНКА

II-й г.
издан.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарды и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Allegro, К. Бальмонтъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Бѣлый, О. Бѣляевская, Л. Васильевскій, Э. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, Э. Гишпюсъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Л. Зиновьева-Аннибаль, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, проф. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасейна, Д. Мережковскій, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, Д. Потъхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Э. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

Т. Гишпюсъ, С. Городецкій, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Ливдеманъ, К. Мурашко, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чагагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и
во **всѣхъ** **извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.**

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маріинскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасейна.*